

УДК 32:008; 32:316.7

DOI: 10.17223/1998863X/48/15

А.Ю. Краснопёров

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В настоящей статье рассматривается концепт гражданской культуры как формы социальной коммуникации. Прослеживается структурная составляющая гражданской культуры в Античности, эпохе модерна и отмечаются направления изменений в постсовременности.

Ключевые слова: гражданская культура, социальная коммуникация, политические смыслы.

Понятие «культура» рассматривается в данной статье в понимании, которое Э. Сепир выразил как «не столько то, во что верит тот или иной народ или что им создано, сколько то, каким образом созданное этим народом и то, во что он верит, функционирует в его жизни, какое значение все это имеет для данного народа» [1. С. 469]. Такая трактовка применима к любым социальным общностям. Ключевое слово здесь – «значение». Для того чтобы «не-что» имело значение для «некто», этот «некто» должен для начала получить информацию об этом «нечто». Таким образом, речь идет о коммуникации, следовательно, культуру можно изучать как процесс и результат взаимодействия с информацией. Понимание культуры в русле коммуникативного подхода предполагает также согласие с тезисом Э. Лича, который утверждал, что «культура осуществляет коммуникацию; сама по себе сложная взаимосвязь культурных событий передает информацию тем, кто в этих событиях участвует» [2. С. 8], т.е. по своей сути культура существует как коммуникация.

Истоки выделяемого подхода восходят к феноменологии с ее тезисом о феноменологической редукции, а также к теории социального конструирования реальности, с точки зрения которого мир и его составляющие воспринимаются человеком не напрямую, а посредством символических образов. Предполагается, что образ политики не отражает объективной реальности (само понимание реальности как объективной в таком случае подлежит сомнению, она мыслится как социальный конструкт), «он заведомо искусственно создан и символичен» [3. С. 72]. Образ – это, по сути, конструкция из субъективно понимаемых фактов.

Схематически процесс коммуникации индивида с внешней средой может быть изображен так, как это демонстрируется на рисунке. Элементы, обозначенные прямоугольниками, – части внутреннего мира индивида, недоступные для прямого восприятия сторонним субъектом. А элементы, обозначенные овалом, – объективации, которые могут быть восприняты кем-то другим. Процесс начинается с того, что индивид получает некоторое сообщение, вы-

¹ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

раженное в языке. Первое, что индивиду предстоит сделать, – декодировать сообщение (верхней серой точкой на рисунке обозначен контакт еще не раскодированного сообщения со смысловой матрицей индивида, в этот момент и происходит декодирование). Без этого оно не может быть осмыслено. Для декодирования используются как уже имеющиеся смыслы, так и освоенный язык, без которого расшифровать сообщение не удастся. После декодирования вновь полученная информация становится частью матрицы смыслов индивида. Весь этот процесс называется репрезентацией. Для того чтобы отправить сообщение, индивиду необходимо использовать содержание матрицы смыслов и кодировать информацию по тем правилам, которые предполагает освоенный язык (описанное действие отмечено нижней серой точкой на рис. 1). В результате получается новое сообщение, которое с помощью того или иного средства коммуникации посылается во внешний мир. Этот процесс называется конструированием. Репрезентация и конструирование вместе представляют собой коммуникацию (применительно к отдельно взятому индивиду). Социальная коммуникация – это когда несколько индивидов взаимодействуют друг с другом.

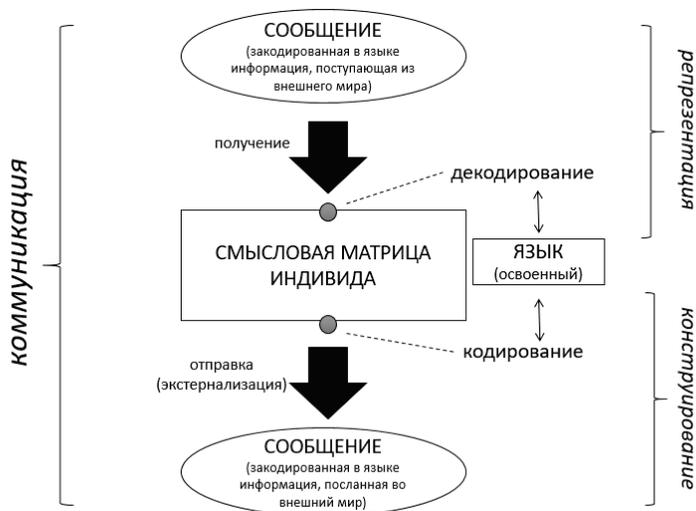

Рис. 1. Процесс смысловой коммуникации индивида с внешней средой

Таким образом, под *культурой* я буду понимать смысловую коммуникацию индивидов с внешней средой посредством получения, интерпретации и передачи смыслов. По своей сути язык представляет собой форму, в которой выражен смысл, а смысл – наполнение формы. *Политическая культура* – это не что иное, как часть общей культуры, выделяемая на основе конфигурации политических смыслов.

Концепт *гражданской культуры* заимствован у Г. Алмонда и С. Вербы. Интерес к вопросу о соотношении политической системы и политической культуры приводит их к появлению идеи о существовании такой разновидности политической культуры, которая бы сочеталась с демократической политической системой наилучшим образом [4. С. 38]. Авторы назвали этот тип

гражданской культурой. Но в данной статье гражданская культура раскрывается в рамках коммуникативного подхода.

Сложности возникают уже при попытке найти какие-либо общие смыслы, сочетающиеся с демократической системой. Даже беглый обзор демократий настоящего и прошлого демонстрирует широкий спектр примеров политических систем, которые можно называть демократическими. Различные институты требуют и разного культурного обоснования. Единственная несомненная группа смыслов, характерная для любой демократии, – это право каждого гражданина участвовать в принятии политических решений и управлении государством (не только «мое право», но и «право другого», права эти равнозначны), закрепленное как устойчивая ценность. Эту группу смыслов можно рассматривать как базисную, к которой уже добавляются иные элементы смысловой матрицы, придающие этому базису наполнение.

Очевидно, что гражданскую культуру нельзя свести только к содержанию матрицы смыслов. Ведь раскрытие представленного базиса может происходить самыми различными путями, которые не только не сочетаются со стабильным функционированием демократической политической системы, но и противостоят ему: охлократия или тирания большинства.

Политическая теория и практика знают множество способов институционализации демократии. В идеале они должны отвечать требованию, что ни «я», ни «ты» не можем принять какое-либо ключевое решение самостоятельно, это можем сделать только «мы» вместе. Когда кто-то выводится из «мы» в категорию «они» (те, кто не причастен к принятию ключевых решений), то, при условии сохранения у этих последних базисной ценности демократии, возрастает конфликтный потенциал в обществе, влекущий, в свою очередь, рост вероятности дестабилизации работы всей демократической системы в целом. От всех тех, кто вошел в число «мы», требуется принимать конкретные решения. Это значит, что эти люди должны вступить в переговоры, чтобы согласовать такое решение – достигнуть консенсуса, договоренности. Но вот чтобы переговоры в принципе состоялись, необходимо важнейшее условие – способность понимать друг друга (в этом выражается эффективность коммуникации). В особенности обратим внимание на афинскую демократию, поскольку она представляет собой форму прямой демократии, когда для управления политическим образованием привлекались все граждане. Можно выделить два аспекта специфики коммуникации.

Во-первых, принятие решений на народном собрании (эκκλeσιeι) предполагало предварительное обсуждение любого вопроса с отражением различных позиций [5. С. 39–59]. Так как именно граждане принимали окончательное решение, то для эффективного функционирования института эκκλeσιeι к индивиду выдвигается требование понимать (правильно интерпретировать) и уметь оперировать (выражать в языке) широким спектром смыслов и их конфигураций, которые, возможно, не являются ключевыми для него лично, но важны и существенно значимы для другого. Во многом это схоже с тем, что Р. Даль называл гражданской компетентностью, обладая которой можно говорить о так называемом нормальном гражданине – таком, «кто обладает минимально достаточным объемом знаний о том, что соответствует его собственным интересам, и о том, какой политический выбор позволяет ему обеспечить эти интересы лучше других» [6]. Естественно, что гражданин не

будет обладать всеохватным объемом знаний относительно смыслов, но он хотя бы должен охватывать те смыслы, которые касаются его поведения и реализации его интересов в сочетании с поведением и интересами других граждан. Если же этого не происходит, то такое собрание теряет свое значение, а функция обсуждения нивелируется. По мнению Х. Арндт, «полис – это место, где люди встречаются друг с другом как равные с равными, признавая в то же время свое разнообразие и полагая его сохранение важнейшей целью этой встречи. <...> Для этого необходима уверенность, что стремление человека к индивидуальности не перерастет в сознание собственной исключительности» [7. С. 102]. Такая гражданская компетентность обуславливает стабильность института принятия решений и демократии в целом.

Во-вторых, для того чтобы у индивида смогла сформироваться такая широкая по содержанию смысловая матрица, он должен быть максимально плотно вовлечен во взаимодействие с другими людьми. В античных Афинах это достигалось на агоре – городской площади, которая была главным местом встреч в полисе благодаря своей экономической, административной и социальной значимости. Другими словами, это место уплотненных коммуникативных потоков в публичном пространстве. Именно здесь по большей степени осуществлялось знакомство с различными смысловыми конструктами. Причем такое взаимодействие должно быть длительным и интенсивным. Социолог З. Бауман даже называл агору родиной демократии, так как, по его мнению, именно здесь язык *oikos* (частная жизнь) переводился на язык *eclesia* (общественная жизнь) и наоборот [7. С. 252–253].

Таким образом, гражданскую культуру правильнее характеризовать как один из типов коммуникации в общине, который позволяет членам одного сообщества эффективно вести беседу о целях политической деятельности. Концепт гражданской культуры включает три элемента. Базисный элемент: «право участвовать в принятии политических решений, в равной мере распространяемое на всех граждан» как один из доминирующих политических смыслов, плюс дополнительные смыслы, характеризующие специфику конкретной демократии. И два поддерживающих элемента: первый – компетентность, под которой понимается знакомство с максимально возможным числом встречаемых в обществе смыслов и умение использовать язык для оперирования с этими смыслами; второй – высокая плотность коммуникативных потоков в публичном пространстве, в результате которого и происходит освоение смыслов и языка. Оба последних элемента можно назвать стабилизаторами базисного элемента в краткосрочной и долгосрочной перспективе соответственно.

В крупных политических сообществах (под сообществом я понимаю группу людей, признающих себя и других членами единой социальной общности) каждый гражданин не может контактировать с каждым другим. Более того, он, возможно, не будет за свою жизнь контактировать с большинством других граждан, как это имело место на Афинской агоре. Но агора как публичное пространство все равно сохраняется, она лишь меняет свой характер: теперь это все меньше географическое пространство и все больше виртуальное, и граждане не обязательно присутствуют в нем физически. Раскрытию представленного тезиса способствуют два связанных с демократией атрибута – гражданское общество и массмедиа.

Благодаря институтам представительства больше не требуется непосредственное участие каждого гражданина в выработке решений, их полномочия делегируются более узкому кругу лиц. Смысловой конструкт для обычного гражданина «право участвовать в принятии политических решений» максимально приближается по значению к «право влиять на принятие политических решений». Более того, внутри государства становится возможным образование достаточно однородных сообществ и гражданских институтов, чтобы они могли представлять интересы входящих в него индивидов в отношениях с политическими институтами и лидерами. Остальным людям уже не нужно лично присутствовать при принятии решений непосредственно. В результате две группы людей: с одной стороны, политики и ключевые чиновники, входящие в политическую систему (понимаемую здесь как разветвленная совокупность государственных институтов и учреждений) и наделенные властью принимать политические решения, а с другой стороны, общественные лидеры, пытающиеся оказать влияние на решения и действия представителей первой группы, – образуют то, что в античном полисе называлось экклесией. Гражданская культура на данном историческом этапе вовсе не требует постоянной политической активности от каждого гражданина. Она предполагает различные модели поведения: от включенного участия до пассивного наблюдения, когда происходит лишь солидаризация с тем или иным институтом гражданского общества.

В итоге образуется публичное пространство, где встречаются различные политические силы, вынужденные вступать в обсуждение перед лицом во многом пассивной аудитории. СМИ позволяют делать это, достигая самых удаленных уголков государства. И именно от непосредственных участников этой новой экклесии требуется высокий уровень гражданской компетентности, чтобы такие переговоры состоялись. Такое положение дел заставляет вырабатывать некоторую понятную форму коммуникации, смыслы и язык, которые будут восприняты избирателями, чей социальный опыт может заметно различаться в силу размеров государства. Как видим, крупные СМИ тем самым выполняли роль виртуальной агоры, оказывая огромное влияние на процесс социализации в рамках столь большого политического образования.

В то же самое время существовало множество небольших СМИ, имеющих свою специфическую аудиторию. На мой взгляд, крупные национальные СМИ и малые СМИ уравновешивали друг друга и способствовали стабильности демократической системы. Первые позволяли гражданам понимать друг друга и вели к повышению гражданской компетентности. Но в отсутствие малых СМИ они бы привели в конечном счете к навязыванию единого смыслового шаблона, так характерного для тоталитарных обществ того же периода. С другой стороны, малые СМИ поддерживали существование различных интересов, противостояли унификации. Но в отсутствие национальных СМИ они бы вели к разделению общества на аудитории, не понимающие друг друга и не способные к диалогу.

Однако с течением времени все сильнее проявляются тенденции, которые не просто замещают гражданскую культуру другими типами коммуникации, но ставят под угрозу само ее существование. А как следствие – стабильность демократии. Можно провести условный барьер на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в., когда влияние таких тенденций достигает некоторого критиче-

ского уровня, который больше нельзя игнорировать и списывать на периодические колебания: выделяется вполне направленный вектор смещения коммуникативных интеракций, что ведет к смене структуры социальной коммуникации.

Прежде всего, это глобализация. Процесс глобализации ведет к возникновению сложных кросспространственных связей и зависимостей. Появляются процессы, институты и образования, выходящие за пределы зоны влияния одного отдельно взятого государства. Как следствие, государство и связанная с ним экклесия уже не являются единственным центром принятия решений. Бауман отмечает по этому поводу: «Глубочайший смысл идеи глобализации – это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире; отсутствие центра, пульта управления, совета директоров или головной конторы» [8. С. 88]. Многие социальные субъекты достигают своих целей из непосредственного взаимодействия друг с другом.

Распространение Интернета стало другой важной тенденцией, меняющей характер коммуникации. Интернет кардинально отличается от предшествующих ему форм массмедиа тем, что позволяет каждому пользователю стать автором текста, быть отправителем и получателем сообщения. Пользователь, наряду со СМИ, становится конструктором смыслов. Если выражаться словами Дж. Уэбстера, то аудитория-как-объект постепенно трансформируется в аудиторию-как-агент [9. С. 401]. Последующее развитие Интернета идет в направлении все большей коммуникативной децентрализации и вовлечения пользователей, что практически стирает границу между изначальным автором и читателями, наделяя их одинаковыми функциями. Добавим к сказанному другие отличительные черты Интернета: глобальный охват коммуникации по принципу «многие-ко-многим», способность сохранять анонимность, свойство воспроизводимости информации [10. Р. 9]. В результате отпадает необходимость в наличии источника информации, вокруг которого концентрировалась бы аудитория, акцентные смещаются на личность. А это ставит властные институты в трудное положение, вынуждая их балансировать между запросами разрозненных групп узких интересов, что повышает вероятность неудовлетворенности и угрожает возникновением конфликтов [11. Р. 40–43].

Третий феномен, в терминологии социолога М. Кастельса, образует сетевое общество [12. С. 494–505]. Сеть – это совокупность взаимосвязанных узлов. Узлы могут быть представлены как индивидом, так и каким-либо социальным образованием. Узлы соединены потоками движущейся информации. От системы такая сеть отличается гибкостью: узлы могут меняться без нарушения работы сети, а связи между ними существуют ровно до тех пор, пока происходит обмен информацией. Сеть – это уже не сплоченная социальная группа, которая может формировать институт представительства; она представляет собой достаточно гибкое и постоянно меняющееся образование. В отличие от институтов или социальных групп сеть не обладает законченными отличительными признаками или границами, которые бы позволили выделить ее по отношению к другим сетям.

Четвертый феномен – рост индивидуализма, под которым в целом можно понимать рост комплексной сложности общества, ослабление традиционных

социальных институтов и возрастание значимости индивидуальных интересов относительно интересов сообщества. В частности, Бауман говорит о том, что современные перемены и стремление личности к реализации собственной индивидуальности приводят к деградации института гражданства в традиционном понимании. Современный мир предстает у него как мир, состоящий из индивидуальностей (индивидуализированное общество), связи между которыми ослаблены настолько, что на смену традиционным институтам приходит мир «текучей современности», для которого характерна постоянная смена форм объединения людей, а сами эти формы непостоянны и кратковременны [13. С. 161]. Это подтверждает исследование Р. Инглхартом всемирных ценностей [14. С. 201–216]. Такое обстоятельство резко повышает требования к гражданской компетентности для всех граждан.

Теперь сложим эффект от всех представленных феноменов и посмотрим, какое воздействие они оказывают на гражданскую культуру и стабильность демократии. Во-первых, исчезает единая экклесия как место, где обсуждаются и принимаются решения. Вместо этого возникает множество мелких и непостоянных экклесий, т.е. в процессе принятия политических решений требуется вступать во взаимодействие с различными субъектами по различным вопросам, каждый раз заново выстраивая систему взаимодействия. Во-вторых, под влиянием индивидуализации растет требование к гражданской компетентности: теперь нужно осваивать больше смыслов и учиться пользоваться более сложным языком для их выражения. На каждой экклесии требуется свой стиль общения и индивидуальный подход. А учитывая сдвиг от институциональной организации социального взаимодействия к сетевой, важно отметить, что требование к гражданской компетенции растет для рядовых граждан, а не только для общественных лидеров. В-третьих, индивидуализм в совокупности с сетевой организацией общества ведет к кризису агоры как единого пространства публичных обсуждений. Нарастает фрагментация и точечное взаимодействие. Социализация теперь зависит от личного опыта как никогда раньше, в то время как доля общего опыта снижается. Сети – это множество различных специализированных агор, переключение между которыми во многом зависит от личного выбора. В результате потери общего опыта в процессе социализации не формируется единый язык, а значительная часть смыслов, присущая некоторой политической общности, не усваивается. Как следствие, уровень гражданской компетентности снижается либо для его повышения теперь требуется больше усилий.

Получается два разнонаправленных процесса: повышается требование к гражданской компетентности, но в то же время исчезновение агоры снижает уровень гражданской компетентности. В совокупности оба процесса в перспективе отрицательно влияют на эффективность коммуникации при обсуждении и принятии политических решений, что и является фактором дестабилизации. Но здесь требуется очень важное уточнение – речь идет о политических решениях, необходимых в масштабах сохранившихся государственных образований. Но это вовсе не значит, что она исчезает совсем, а все демократии ждет пессимистичный конец. Мое предположение заключается в том, что гражданская культура может проявляться и успешно существовать на уровне территориальных поселений.

Литература

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М. : Прогресс : Универс, 1993. 656 с.
2. Лич Э. Культура и коммуникация : Логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии : пер. с англ. М. : Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2001. 142 с.
3. Щербинина Н.Г. Политический образ и имидж: соотношение понятий // Политический маркетинг. Приложение к журналу «Практический маркетинг». 2010. № 4. С. 71–78.
4. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М. : Мысль, 2014. 500 с.
5. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению: учеб. пособие. М. : КДУ, 2007. 212 с.
6. Даль Р. Проблемы гражданской компетентности [Электронный ресурс] // Пределы власти. 1997. № 1. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. 324 с.
8. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. М. : Весь мир, 2004. 188 с.
9. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М. : Изд. дом «Вильямс», 2004. 432 с.
10. Johnson D.G. Reflections on Campaign Politics, the Internet, and Ethics // The Civic Web. Online Politics and Democratic Values. Boston : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. P. 9–18.
11. Galston W. If Political Fragmentation Is the Problem, Is the Internet the Solution? // The Civic Web. Online Politics and Democratic Values / edited by D.M. Anderson and M. Cornfield. Boston : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. P. 35–46.
12. Кастель М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 492–505.
13. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
14. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с.

Anton Yu. Krasnoperov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 154–162.

DOI: 10.17223/1998863X/48/15

A CIVIC CULTURE AS A FORM OF SOCIAL COMMUNICATION

Keywords: civic culture; social communication; political meanings.

This article addresses the concept of a civic culture as a form of social communication. The notion of culture is constructed with reliance on a communicative approach. Culture is studied in the framework of the above approach through an exchange of meanings between individuals, which is achieved by the use of a language as a form of conveying meanings to enable other individuals to perceive them. A civic culture represents a form of political culture which is most favorably combined with a democratic political system. It is presented herein as a configuration of three constituent elements, namely, a basic political meaning (other meanings could be added thereto to produce specific features of a given political system), civic competence (which is taken to mean exposure to political meanings encountered in society and ability to utilize them to facilitate discussion), as well as a high intensity of information flows in public spaces (which results in acquisition of political meanings and language). The two latter elements can be referred to as basic element stabilizers both in the short and in the long run, respectively. The article proceeds to trace the structural component of a civic culture in three time periods. In the Antiquity, it was formed in democratic city-states such as Athens in which the agora (a central meeting space) served as a platform for shaping common experiences, and civic competence was required from all individuals with access to ecclesia (the municipal assembly). In the modern period marked by an absolute majority of representative democracies, the role of the agora belonged to mass media and civil society institutions, while civic competence was required more from social leaders and somewhat less from other citizens. Lastly, the postmodern period is marked by

tendencies jeopardizing the existence of a civic culture at national levels. Such tendencies are globalization, an ever-increasing role of the Internet, emerging network society, and expanding individualism. The author concludes that the structure of social communication is changing in response to the above tendencies, which entails a need for an alternate approach to view effective communication (according to a civic culture type and, perhaps, on a level of area-based settlements).

References

1. Sapir, E. (1993) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Translated from English by A.E. Kibrik. Moscow: Progress: Univers.
2. Leach, E. (2001) *Kul'tura i kommunikatsiya : Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noy antropologii* [Culture and Communication: The Logic by Which Symbols are Connected]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
3. Shcherbinina, N.G. (2010) Politicheskiy obraz i imidzh: sootnoshenie ponyatiy [Political brand and image: correlation of concepts]. *Politicheskiy marketing. Prilozhenie k zhurnalu "Prakticheskii marketing" – Practical Marketing. Supplement*. 4. pp. 71–78.
4. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civil culture: political attitudes and democracy in five countries]. Translated from English by E. Gendel. Moscow: Mysl'.
5. Marinovich, L.P. (2007) *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novye podkhody k sopostavleniyu* [Antique and modern democracy: new approaches to comparison]. Moscow: KDU.
6. Dahl, R. (1997) Problemy grazhdanskoy kompetentnosti [Problems of civil competence]. *Preделы vlasti*. 1. [Online] Available from: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm>. (Accessed: 12th February 2019).
7. Bauman, S. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized society]. Translated from English. Moscow: Logos.
8. Bauman, S. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for man and society]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
9. Bryant, D. & Thompson, S. (2004) *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Impact]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
10. Johnson, D.G. (2003) Reflections on Campaign Politics, the Internet, and Ethics. In: Anderson, D.M. & Cornfield, M. (eds) *The Civic Web. Online Politics and Democratic Values*. Boston: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 9–18.
11. Galston, W. (2003) If Political Fragmentation Is the Problem, Is the Internet the Solution? In: Anderson, D.M. & Cornfield, M. (eds) *The Civic Web. Online Politics and Democratic Values*. Boston: Rowman & Littlefield Publishers. pp. 35–46.
12. Castells, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Formation of a society of network structures]. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West]. Moscow: Academia. pp. 492–505.
13. Bauman, S. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
14. Inglehart, R. & Velzel, K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence]. Translated from English by M. Korobochkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.